

СУББОТНЯЯ

ВСТРЕЧА

Стать знаменитым в 73 года — с кем не бывает? А вот за 50 лет кинокарьеры получить первую главную роль — уже не шутка. Хотя и всерьез к этому событию Валентина Березуцкая относиться не собирается. В четверг на фестивале в Сан-Себастьяне был день наших "Старух": утром фильм Геннадия Сидорова показали журналистам, вечером состоялась его официальная премьера.

Интервью с режиссером, взявшим все золото на "Кинотавре" и теперь имеющим все шансы на главный приз — 120 тысяч евро — в программе "Новые режиссеры", мы опубликовали в день премьеры.

Сегодня о себе рассказывает Валентина Березуцкая — единственная из всех старух профессиональная актриса.

Валентина Березуцкая сыграла более 70 ролей, лицо ее, безусловно, знакомо зрителю, но вот попробуйте-ка припомнить, где вы видели эту веселую бабушку? По ее собственному признанию, даже мама не всегда узнавала ее в кино: "Вроде бы вот эта скалозубая девчонка... А может, и нет". А в "Операции Ы" она сыграла дамочку в шляпе, которая в одном-единственном кадре держит ванночку над детьми, которые выходят из трамвая. Но про каждую свою роль она

Со своим Хоттабычем (кадр из фильма "Старухи").

вспоминает с удовольствием — даже про самую незначительную.

Пока мы говорили, Валентина Федоровна периодически начинала прерывисто охать, иногда вскакивала, чтобы показать, как неправильно, не по-киношному бегут настоящие деревенские бабушки и как ей приходилось их этому учить. А то вдруг брала тон профессиональной сказочницы — была в ее жизни и такая страничка. А вообще она добрая, веселая и, самое главное, — молодая. За 73 года Валентина Березуцкая успела многое, а состариться душой — так и не смогла.

В "Старухах" у вас была роль "бригадирши" — вам приходилось задавать тон всем остальным бабушкам: вы же единственная профессиональная актриса среди них. Как вы с ними справлялись?

— Если люди изначально талантливые — им и подсказывать ничего не нужно. Их так легко раскрутить: что-то начнешь рассказывать, как они тут же подхватывают, и пошли, пошли... Девчонки у нас подобрались, конечно, очень талантливые. Может быть, я самый свежачок! Нет, еще Норкина Зоя — та вроде меня посвежее. А вообще все бабки у нас оказались передовые. Одна, Настя Буксирова, мне говорит: "Да что ты! Мы при Советской власти все обьехали: и ГДР, и Болгарию, и всюду, мы и в Большом и Малом театрах были".

А не было между вами вначале какого-то холода: вы ж городская, актриса, а они — деревенские?

— Мы так познакомились: я нарядилась в костюм деревенский и вышла молча к этим "девушкам". Сели мы в автобус, а Зоя-то и говорит: "Эта, поди, не наша, что-то я ее не видела. Ты откуда, не из Су-санино?" Я отвечаю: "Не, тут, рядом" — "А шо, из Ломышек?" "Да не, вот тут". В общем, за свою я у них сошла. А потом к нам подошла Таня Быстрицкая, второй режиссер, и сказала: "Вот Валентина Федоровна, она будет с вами заниматься". Раздела она меня, расколола. Ну я тогда им говорю: "Девчонки, это вы меня должны учить, а не я вас". Они немного робели сначала: "Мы, поди, так и не сможем". Но я быстренько на их говор перешла, а потом мы и вовсе сдружились.

А как вы отнеслись к тому, что в картине много мата?

— Ой! На нашем хуторе, где мы снимали, — там было пять совершенно заброшенных домов. И только в одном из них жил дедка Орн. Знаете, что за имя — Орн?

Октябрьская революция началась! Так вот, у него супруга Галя. И как она ругается... Даже не то чтобы ругается — у нее других слов нет. Я не привыкшая к такому — меня просто аж корбило. Я говорила Гене: "Ну сократи немножечко мата!" — "А че, — говорит, — это ж самая Россия!" (Гена — режиссер. — К.Ш.) Но это такая Россия, я вам скажу, что я просто плакала, когда мы туда приехали и пошли выяснять, кто как живет: радио отрезано, 15 лет у них его нет, телевизоры — у учителя, у доктора и у "бизнесменши" Гали, где наши отоваривались самогонкой. Света на улицах нет. Как-то первый раз вышли мы после баньки — так темнота такая, что я ладонь перед лицом поставила — и не вижу ладони!

Пьют много?

— Жутко. Но когда мы пьем в картине, так у нас там вода, вы ничего не подумайте! Помню, мы садимся, Настя первая берет стопку, пробует: "Дак а че, это ж, поди, вода". Я спрашиваю: "Так что ж, тебе водки налить?" — "Так хоть бы как бы, так, для куражу". Нет, говорю, кураж потом будет. Зато пьют они как славно! Мы про песни с девчатами говорили, так они знают, самое позднее, песни советского периода. Никаких новых песен, там "Тату" или "На-на", они и не слышали! Ой, у нас одна песня была, не знаю, осталась она в картине или нет: "Девчонка, дай, девчонка, дай, девчонка, миленькому дай! Дай мальчишке-сироте полежать на животе".

Расскажите, кто придумывал любовную линию?

— Это с моим стариком-то, с Хоттабычем? Ой! Для меня это такое удовольствие было! Да хрен с ним, таджик ли, хоть негр — любовь не знает границ и национальностей, и возраста не знает. Знаете, какой крепкий старичишка-то! Будь здоров! Я когда его первый раз увидела, мы познакомились, значит. А у них обычай такой или еще что — только у него грудь раскрыта. Я спрашиваю: "Анвар-ака, а вам не холодно?" "Нет", — отвечает. И вот что удивительно, у наших мужиков волосы растут, а у них грудь гладкая. И я просто похлопала его по груди — из любопытства, а у него глаза загорелись, он подошел и как-ак прихватил меня — так у меня сразу все остеохондрозы хрустнули! Да, с ним приятно было работать.

Режиссер молодой, горячий, съемки тяжелые, почти все время на улице, а осень, холодно — как вы выдерживали?

— Мы с самого начала с таким энтузиазмом за дело взялись! Отдача была пол-

ная. Я еще по Театру киноактера заметила: я очень чувствительна к погоде. Голова болит, кости ломит. Но как выхожу на сцену — все как рукой снимает. И так же в кино. Сначала маешься, а как услышишь: "Мотор!" — все забываешь, и все проходит.

В кино вы с 50-х годов и сыграли так много деревенских девушек. А вы сами родом не из деревни?

— Вы угадали — родилась я в Курской области, в Медвенском районе, в селе Спасском. После окончания Одесского артиллерийского училища папа стал красным командиром и служил на Дальнем Востоке на бронепоезде. Когда я училась в третьем классе, началась война и нас эвакуировали под Новосибирск. А заканчивала школу я уже в Северной Корее! Напутешествовалась, в общем. Потом папу отправили в Калининград, а я осталась в Москве и поступила во ВГИК.

Вас с первого раза приняли?

— Самое смешное — я не в ту сторону заехала. Москвы не знала и села в 25-й трамвай — он идет в сторону центра в один конец, а в другой — на ВДНХ. А я ехала поступать в педагогический институт на исторический факультет. Еду и думаю: "Что-то я не туда еду". Обращаюсь к девушке, которая рядом сидела, объясняю ситуацию. Она мне вдруг и говорит: "Поехали со мной!" — "А вы тоже поступать?" — "Да, во ВГИК". — "А что это такое?" — "А это институт кинематографии". Надо сказать, я тогда и понятия не имела, что это такое. Но все равно поехала с ней. На приеме был Тавризан Ким Арташесович — он у Герасимова педагогом работал, такой усатый армянин. Он этой Зойке сказал сразу: "Извините, вас мы взять не можем, у вас с дикцией проблемы". "А вы что?" — спрашиваю он меня. А я сижу в сторонке, как бы ни при чем. Отвечаю: "Нет-нет, я совсем не сюда, я просто по ошибке заехала". — "А почему вы не сюда?" Так я и попала во ВГИК. А потом, когда родителям привезла зачетку, и папа увидел надпись "Всесоюзный государственный институт кинематографии", то прямо охнул: "Так она у нас совсем не в педагогическом учится!" А мама моя, Пелагея Тарасовна, спросила: "Это что ж, она кино крутить будет?" Родители долго переживали по этому поводу, до последних дней. Мама все говорила: "Валь, была бы ты учителем — и уважение, и почет!"

Вы у кого учились?

— Я закончила мастерскую Ольги Ивановны Пыжовой — Бориса Владимиро-

В фильме "Старухи" с Олегом Табаковым

В фильме "Старухи" с Инной Чуриковой, Людмилой Марченко, Светланой Светличной и Людмилой Карауш.

вича Бибикова. Однокурсники мои — великие люди! Но все почти умерли. Майечка Булгакова, Леша Пархоменко — который у Пыррева играл Рогожина.

А вам все больше доставались роли второго плана...

— Ну, были и главные — в "Тугом узле" по Тендрякову. Я там играла с Ляликом Табаковым, еще совсем молодым, и всем говорю, что я — его первая любовь. Это, конечно, неправда — у меня просто роль: я по нему страдала, а он за другой бегал. Я вообще в актеров не влюблялась — у меня на них аллергия. Никогда в жизни, чтоб за актера замуж или с актером роман. Я им цену знаю. А Лялик мне нравился — что говорить, его вся группа любила. Он такой серьезный всегда, даром что студентом тогда был. Он такой сразу — великий!.. А в заглавной роли я только в "Старухах".

На улице не узнают?

— Какое там! Недавно я в Волоколамск ездила с фильмом Ларисы Садилевой "С любовью, Лия". Встречу с народом назначили — до показа. Я спрашиваю у организаторов: "Видел кто-нибудь картину?" Мне говорят, что нет. Так о чем же я с ними разговаривать буду? Ну, думаю, ладно. Выхожу. Старики — два ряда первых, остальные все — молодежь. Я спрашиваю: "Молодой человек, вот вы, вы старое кино смотрите?" — "Не-а!" Тогда я перечислила свои работы, даже те, которые относительно часто крутят по ящику. Никакой реакции. Ладно, думаю. Спрашиваю: "Рекламу смотрите?" — "Смотрим". Тогда я им запела: "Конфетки-бараночки". Бурные аплодисменты и хохот. Вот чем я стала знаменита. Я эту кличку уже три года ношу. Выхожу из подъезда: "Валь, ты работаешь все, хорошо получаешь?" Хотят узнать, сколько ж я за конфетки-бараночки получила. Ну, отвечаю, на конфетки-бараночки заработала!

Почему так случилось, что главных ролей-то у вас и не было?

— Я просто никуда не лезла, себя не пропихивала.

В одном медицинском учреждении у меня тоже была встреча со зрителями, и когда я сказала, что работы у меня небольшие, один профессор встал: "Скажите пожалуйста! Вот у нас медсестра работает, к примеру. Ее могут не помянуть вообще, а без нее ну никак не обойтись!" И, честно вам скажу, я по этому поводу как-то никогда особенно не комплексовала. Дают рольки — и хорошо. Но самое ужасное, что у великих на меня никогда не хватало времени: "Валья, вот этот эпизод — давай-ка быстро!" И все в перерывах между большими сценами, на ходу буквально. А что быстро сделаешь? "Быстро робят слепых родят" — костромская, кстати, пословица, со съемок "Старух" я ее привезла.

Не жалеете, что выбрали эту профессию?

— Нет, не жалею. Главное — среди людей работать. Жалею, что не спела. Я очень любила петь, и так мне и не дали спеть в кино.

Валентина Березуцкая: "Он подошел и как-ак прихватил меня — так у меня сразу все остеохондрозы хрустнули!"

А "конфетки-бараночки"?

— Вот выше "конфеток-бараночек" и не пошло. А кстати, наши музыковеды, послушав, сказали: "Какой прекрасный у нее голос!" Жаль, жаль.

Вы, говорят, внуков кормите?

— И внука, и внучку! И выкормила, и выучила, и институты они уж позаканчивали. А дочка-то у меня, даром что экономический факультет ВГИКа закончила, — с работой ей явно не повезло. Только начнет работать, как все рушится, денег нет. Мой муж умер в 90-м, и тогда для меня наступили такие тяжелые времена. Вспомнишь — вздрогнешь! Но у нас закалка такая, что все равно пробились. Внучка вот закончила институт, но еще не работает.

Семья, наверное, гордится бабушкой?

— По-разному бывает. Внучка маленькой у меня уже в кино сама снималась. А вот дочка, когда была в третьем классе, приходит из школы и говорит: "Мама, ты никому только не говори, что ты актриса". Оказывается, ее учительница, Валентина Михайловна, вдруг сказала: "Полина, это твоя мама в такой-то картине уборщицу играла?" И ей стало стыдно перед классом. И так до десятого класса она комплексовала, что я в артистах.

Константин ШАВЛОВСКИЙ.